

Корсаков К.В. Традиции консеквенциализма и ретрибутивизма в учениях об уголовном наказании: от досократиков до немецкого идеализма // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 159-183. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_159

УДК 343.9.018:340.125

DOI 10.17506/26867206_2025_25_2_159

Традиции консеквенциализма и ретрибутивизма в учениях об уголовном наказании: от досократиков до немецкого идеализма

Константин Викторович Корсаков

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: korsakovekb@yandex.ru

*Поступила в редакцию 01.08.2024, поступила после рецензирования 09.10.2024,
принята к публикации 20.01.2025*

Основной целью публикации является осмысление философско-правовых воззрений и взглядов выдающихся философов и правоведов на уголовное наказание в исторической ретроспективе, а также ознакомление читателей с их развитием и эволюцией, начиная с эпохи античности и до периода расцвета немецкой идеалистической философии. В качестве методов исследования были использованы историко-сравнительный, ретроспективный и аналитический методы, а также методы индукции и обобщения. В статье подчеркивается, что зрелые философские размышления о назначении, целях и сути уголовного наказания появились и получили распространение еще в древнегреческой досократической философии и были связаны с особенностями мифологического мировоззрения и морально-этических представлений, а равно с социально-политическими реалиями того времени. Обращается внимание на тот факт, что философско-правовые учения Платона и Аристотеля о наказании оказали существенное влияние как на законодателей Нового и Новейшего времени, так и на концепции наказания других философов и правоведов. Объяснены причины, почему представители как классической традиции, так и научного позитивизма в пенологии считают Платона основоположником двух этих конкурирующих учений. Раскрыты основные черты и специфика пенологических доктрин, предложенных представителями патристики, схоластики и томизма в средневековую эпоху. Освещены суть и значение прогрессивных идей об уголовном наказании выдающихся мыслителей, просветителей и энциклопедистов Нового времени, включая утопистов и пионеров научного утилитаризма. Произведен подробный анализ теорий уголовного наказания представителей немецкой классической философии – Канта, Гегеля и Фихте, приведены доводы, опровергающие мнение,

© Корсаков К.В., 2025

что абсолютные теории классиков немецкого идеализма основаны на законе талиона либо служат философско-теоретическому оправданию этого архаического принципа уголовного правосудия. Сделаны выводы о том, что в настоящее время, в ситуации обострения полемики вокруг абсолютных и утилитарных начал, интенций и компонентов уголовного наказания, в которую вовлечены как представители консеквенциализма, так и ретрибутивизма, абсолютные теории наказания, несмотря на их возраст, оказываются востребованными и актуальными в плане логической аргументации при решении острых и насущных теоретических проблем, связанных с институтом уголовного наказания.

Ключевые слова: уголовное наказание; философия наказания; пенология; теории наказания; сущность наказания; основания уголовного наказания; цели уголовного наказания; абсолютные концепции наказания; утилитарные концепции наказания

Traditions of Consequentialism and Retributivism in Criminal Punishment Theory: From Pre-Socratics to German Idealism

Konstantin V. Korsakov

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Ekaterinburg, Russia
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Received 01.08.2024, revised 09.10.2024, accepted 20.01.2025

Abstract. The study undertakes an examination of the philosophical and legal conceptions on criminal punishment as articulated by eminent philosophers and jurists from Antiquity through the zenith of German idealism. Employing historical-comparative, retrospective and analytical approaches, it traces the evolution of penal theories within their respective socio-political and intellectual environments. The analysis emphasizes the emergence of sophisticated philosophical reflections on the purpose, objectives and essence of criminal punishment in ancient Greek pre-Socratic thought, contextualizing them within mythological worldviews and prevailing ethical paradigms of the time. Particular emphasis is placed on the seminal contributions of Plato and Aristotle, whose doctrines have exerted enduring influence upon subsequent philosophical discourse and legislative praxis. The study elucidates the attribution of foundational status to Plato by proponents of both classical penological traditions and scientific positivism. Furthermore, it delineates distinctive features of medieval penological doctrines as formulated by representatives of patristics, scholastic and Thomistic schools. It also highlights the progressive ideas on criminal punishment introduced during Enlightenment and the early Modern period by notable educators, encyclopedists, utopian thinkers and pioneers of scientific utilitarianism. A critical analysis of the penal theories formulated by German classical philosophers – namely Immanuel Kant, Georg W. F. Hegel and Johann G. Fichte – is presented, with particular attention to refuting those prevailing interpretations that erroneously associate their absolute theories with the *lex talionis* or view them as philosophical justification for archaic retributive principles. In conclusion the article contends that, notwithstanding their historical origins, the absolute theories of punishment retain

significant relevance in contemporary theoretical debates. Amid intensified controversies surrounding the dichotomy of absolute and utilitarian principles, as well as the intentions and components of criminal punishment, these theories provide robust logical frameworks that continue to inform and challenge prevailing penological paradigms.

Keywords: criminal punishment; philosophy of punishment; penology; theories of punishment; essence of punishment; grounds of criminal punishment; purposes of criminal punishment; absolute concepts of punishment; utilitarian concepts of punishment

For citation: Korsakov K.V. Traditions of Consequentialism and Retributivism in Criminal Punishment Theory: From Pre-Socratics to German Idealism, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 159–183. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_2_159

Введение

Проблематика уголовного наказания породила большое и беспрецедентное для уголовно-правовой науки количество теорий, моделей и концепций, многие из которых выходят не только за ее пределы, но и за границы юриспруденции в целом – в область философии, этики, социологии; как некогда метко заметил по этому поводу Г. Ашаффенбург, «в то время как наши составители уголовных кодексов избегали установления точных теорий об основах и сущности наказания, наука довольно усердно занималась их разработкой» (Ашаффенбург 2010: 196).

Интеллектуальные усилия, направленные на осмысление уголовного наказания как феномена социально-правового бытия, начали осуществляться еще мыслителями, представляющими цивилизации Древнего мира. Они не проявлялись в доисторическую эпоху, на самых ранних этапах практики наказания, однако их можно зафиксировать в древнейших литературных памятниках и в содержании самых первых философско-этических учений. Так, в «Речении Ипувера» (древнеегипетском нарративе, язык текста которого относится к XXI–XVIII вв. до н.э.), созвучном «Пророчеству Неферти» (XIX–XVIII вв. до н.э.), «Беседе разочарованного со своим духом» (XXII–XXI вв. до н.э.) и «Размышлениям Хахаперрасенеба» (XIX в. до н.э.), в которых также затрагиваются проблемы справедливого мироустройства и посягательств на него, говорится о грядущих бедствиях и хаосе, протекающих из-за пренебрежения законом и проявляющихся, среди прочего, в увеличении преступности. Там содержатся призывы к социуму почитать обычаи предков, а к государственной власти – преследовать виновных во имя благоденствия и установления гармонии Маат – богини справедливости, закона и миропорядка (Faulkner 1965). В древнеиндийских Ведах (XVI–V вв. до н.э), Дхармасутрах, Дхармашастрах и Артхашастре уголовное наказание рассматривается как основа дисциплины и залог общественного процветания, а также считается отражением дхармы – морально-религиозного долга и всеобщего закона жизни, а его смысл, по мнению их составителей, заключается в поддержании порядка, защите общества от преступлений и очищении преступников от совершенных ими грехов. Яркий представитель древнекитайской философии Конфуций, признавая

охранительную роль наказания, говорил о преимуществе нравственных норм перед ним: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд и он исправится» (Конфуций 2008: 26).

Представления об уголовном наказании в эпоху античности

Научно-теоретические, систематизированные контуры и черты мышления об уголовном наказании начинают постепенно приобретать с эпохи античности, причем с периода досократиков, древнегреческих философов VII–V вв. до н.э. Например, философ и математик Пифагор придерживался взглядов на наказание как на равноценное преступлению возмездие, он рассматривал справедливость¹ как воздаяние равным за равное и считал, что за зло, причиненное преступлением, следует воздавать виновному таким же злом. Гераклит понимал справедливость как следование логосу – вечной и всеобщей необходимости, основе сущего, а наказание трактовал как ответ на отклонение от данной основы. Демокрит высказывал схожие суждения и также полагал, что «во всем прекрасно равенство» (Агошков 2008: 26) и справедливость, однако добавлял, что наказание должно быть не только справедливым и соразмерным, но и целесообразным. Принцип справедливости уголовного наказания отстаивался в философии Сократа, видевшего смысл жизни человека в его моральном совершенствовании, однако вступивший с ним в диспут о сути добродетели Протагор, которому приписывают тезис «наказание – это средство для выпрямления искривленного сосуда», доказывал, что назначение наказания – не в каре и в возмездии, а в предотвращении зла, и развивал идеи об исправлении преступников (Протагор. 324b).

Обобщив эти воззрения на цели, сущность и смысл наказания, М.П. Чубинский сделал заключение о том, что «еще до появления величайших мыслителей Греции в лице Платона и Аристотеля мы видим возникновение двух начал, существенно отразившихся в своем развитии на науке уголовного права: это, с одной стороны, абсолютная идея справедливости, которую желают сделать базисом правосудия, а с другой – наиболее важная для уголовной политики идея целесообразности наказания, служения его государственным целям и, в частности, борьбе со злом преступлений» (Чубинский 2008: 82). В этом выводе обозначены предтечи двух конкурирующих на протяжении многих веков групп теорий наказания (в каждую из них входят десятки теорий) – абсолютных (доктрин возмездия, восстановления) и утилитарных (относительных, релятивистских концепций), которые впоследствии также стали называть ретрибутивизмом и консек-

¹ В Древней Греции справедливость, право, правда и богиня справедливости обозначались одним и тем же словом – «дике», которым также обозначалось и наказание: оно часто встречается в произведениях Гомера в значении уголовного наказания.

венциализмом. Эти предтечи также попали в остов двух более широких уголовно-правовых и криминологических учений (затрагивающих, кроме вопроса об уголовном наказании, проблемы преступления, преступника, вины, ответственности и др.) – классической школы уголовного права и позитивизма (объединяющего антропологическое (биологическое), социологическое и психологическое направления в уголовном праве, криминологии и пенологии).

Большое внимание проблематике наказания уделял выдающийся афинский мыслитель Платон, который рассматривал уголовное наказание как один из инструментов, с помощью которого государство поддерживает общественный порядок. Он называл наказание необходимым и полезным как для общества, так и для самого преступника, который, претерпевая его, становится лучше, совершеннее. Признавая карательную суть и устрашающее свойство уголовного наказания, философ в своих проникнутых гуманизмом диалогах говорил о воспитательном значении наказания. По Платону задача уголовного наказания состоит в очищении души преступника, для которого наказание является лекарством, исцеляющим его нравственный недуг (мыслитель развивал идею о том, что преступник, дабы не навредить своей душе и освободиться от страдания, должен сам требовать наказания у судьи как у лекаря, в чем нам видятся зачатки концепции «права преступника на наказание»), а также в устранении влияния негативного примера на его сограждан (Платон 1998: 100, 598-605). Античный философ разработал собственную систему наказаний за различные преступления, он был сторонником смертной казни и выступал за суровые наказания, тяжесть которых, по его мнению, способна остановить неустойчивых и недостаточно воспитанных людей от совершения преступлений. В рассуждениях Платона о праве особо выделяются высказанные им мысли о неотвратимости наказания, образовавшие впоследствии доктринальный принцип, однако если Ч. Беккариа писал о том, что для предупреждения преступлений неизбежность наказания гораздо важнее его суровости, то Платон говорил о неотвратимости в ином ключе – в логике древнеримской правовой максимы «*fiat iustitia, et pereat mundus*» (да свершится справедливость, даже если погибнет мир): никто и никогда не должен остаться безнаказанным за свое преступление.

Будучи учеником Платона, Аристотель продолжил развитие его психологических идей; в вопросе о предупреждении преступности уголовное наказание – которое он справедливо называл нам причиняемым ущербом – философ ставил выше этики и воспитания так, в работе «Никомахова этика» он писал: «большинство, скорее, послушны принуждению, нежели рассуждению, а взысканию – скорее, нежели прекрасному» (Никомахова этика. 1180a5). Основания уголовного наказания (право государства на наказание) Аристотель выводил из идеи справедливости (ее философ рассматривал как особую добродетель): преступление – это нарушение справедливости, которую должна восстановить государственная власть, наказав виновного (ряд фрагментов из «Демосфеновского корпуса» говорят о том, что это мнение разделял и Демосфен).

В трактатах мыслителя представители этики выделяют несколько видов справедливости: частную (специальную) и общую, а внутри них – разделяющую («геометрическое равенство») и уравнивающую («арифметическое равенство»), а также обменивающую (коммуникативную), распределительную (дистрибутивную) и воздающую (ретрибутивную), распространяющуюся на область наказания. Уравнивающая справедливость требует равенства всех перед законом («равенства неравных», так как люди не могут быть равны в силу разных способностей и качеств), а воздающая (карательная) справедливость – как строгого равенства, так и пропорциональности наказания с учетом личности виновного и тяжести содеянного им (по логической схеме, сформулированной Платоном в его «Законах»: не всем одно и то же, а каждому свое, «ибо для неравных равное стало бы неравным»). Аристотель оппонировал пифагорейцам, обосновывавшим закон талиона, и выступал против последнего как не принимающего во внимание личностные характеристики наказываемых и обстоятельства, отягчающие либо смягчающие их вину (в этом плане показателен его призыв наказать вырвавшего у другого глаз не вырыванием его глаза, а еще строже, «пропорционально несправедливостям», так как тот несправедлив вдвойне) (Большая этика. 1194a35-1194b).

В данной связи некорректными видятся нам выводы С.И. Коноваловой: «трудно согласиться с В.М. Коганом, утверждающим тезис о том, что уравнивающая справедливость в уголовном праве – выступает как равенство перед законом, а распределяющая справедливость – выступает при решении вопроса о назначении наказания либо освобождении от него: подлежат учету характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства, смягчающие и отягчающие уголовную ответственность. Ведь первоначально Аристотель вкладывал в идею разделения справедливости, как нам видится, совершенно иной смысл» (Коновалова 1999: 20). К ситуациям определения наказания по Аристотелю приложимо не только, как пишет С.И. Коновалова, правило «арифметического равенства» (как раз оно приводит к талиону – наказанию, симметричному преступлению), но и тип разделяющей справедливости («геометрическое равенство»). При наложении его на требования воздающей (ретрибутивной) справедливости мера наказания будет пропорциональной характеру и степени общественной опасности преступления и отобразившимся в нем особенностям личности виновного. В.М. Коган, как нам думается, вел речь именно об этом типе, о разделяющей справедливости применительно к уголовному наказанию.

Философско-правовые учения Платона и Аристотеля оказали существенное влияние как на законодателей Нового и Новейшего времени, так и на концепции и взгляды на наказание других философов и пенологов. Представители классической традиции в уголовном праве часто ссылались на них и указывали на их идеи как фундамент своей школы, но и сторонники позитивизма также считали этих философов предвестниками и защитниками их доктрин: так, позитивист М. Ансель писал, что Платон «предугадал концепции, которым суждено было стать концепциями социальной

защиты», «Платон развивает также идею охраны общества от опасного преступника», «Платон действительно был первым, кто провел различие между преступниками, поддающимися исправлению и не поддающимися исправлению...» (Ансель 1970: 38-39). Полагаем, что во многом это связано с тем, что данные учения не были цельными и универсальными и создавались вне каких-либо догматов и аксиом. Свидетельство тому – противоречивость Платона в вопросе о свободе воли преступника (в одних произведениях он ее отрицает и ограничивает, в других – наоборот, пишет об ответственности за свободный нравственный выбор) и непоследовательность Аристотеля в вопросе о равном (симметричном) возмездии: часто критикуя этот принцип и месть в целом, он в то же время писал в «Риторике»: «Прекрасно также мстить врагам и не примиряться с ними, так как справедливо воздавать равным за равное, а то, что справедливо, прекрасно...» (Аристотель 1894: 43).

Древнегреческая традиция выводить уголовное наказание из природной и божественной справедливости как общего правового начала была продолжена древнеримским философом и политическим деятелем Марком Туллием Цицероном. Он также развивал идеи равенства перед законом и постоянного совершенствования законодательства, приближающего его к «истинному закону» – справедливости, а уголовную кару соединял с дополняющей ее нравственной составляющей уголовного проступка: «...преступников тревожат и преследуют фурии – и не пылающими факелами, как это бывает в трагедиях, а угрызениями совести и мучительным сознанием зла, содеянного ими» (Цицерон 1999: 164). Мыслитель указывал на страх быть подвергнутым наказанию и совесть как внутренние ограничители и «сдерживатели» преступного поведения. Согласно Цицерону, наказание – это справедливое возмездие со стороны социума за нарушение его пред установленного разумом устройства, однако данный ретроспективный подход не мешал ему выделять такие цели уголовного наказания, как удержание людей от совершения преступлений посредством устрашения (генеральная превенция), предупреждение повторных преступлений со стороны наказываемого (частная превенция), поддержание порядка в государстве и пробуждение у виновных раскаяния.

Своеобразный подход к уголовному наказанию присутствует в сочинениях моралистического содержания жившего в Римской империи древнегреческого философа Плутарха: наказание рассматривалось им через восприятие тем, на кого оно налагается, и, согласно его учению, призвано в первую очередь вызывать положительные изменения в сознании нарушившего закон (Плутарх 1999: 49). Другой известный философ римской эпохи, стоик Луций Анней Сенека, нередко обращался к теме о самонаказании преступников, полагая, что совершившие преступления и по каким-либо причинам избежавшие возмездия испытывают постоянный страх и муки совести: «плохо было бы наше дело, если бы многие злодеяния ускользали от мстящего закона и предписанной кары – и не приходилось бы тотчас же за них платиться тяжким наказанием, налагаемым природой, которая заменяет пытку страхом» – писал он (Сенека 1977: 244). Сенека призывал

людей к милосердию (Сенека 2001: 116-117, 125), выступал против жестоких наказаний, считая их проявлением государственного бессилия, вызывающим у наказываемых лишь озлобленность, и указывал на необходимость убеждения, апеллирования к рассудку и к человеческой совести как живой, чувственной инстанции. Философ обращал внимание на то, что «никто не проявляет благоразумия, карая за совершенные преступления, но делает это с тем, чтобы предупредить совершение преступлений, так как ведь вернуть прошедшего невозможно; на будущее же время возможно воспрепятствовать» (Сенека 2018: 227), тем самым указывая на приоритет предупредительной функции уголовного наказания. Из данных доводов им был выведен принцип *Nemo prudens punit, quia peccatum est, sed ne peccetur* (всякий разумный человек наказывает не потому, что был совершен проступок, а для того, чтобы он не совершался впредь).

Воззрения и взгляды на уголовное наказание в периоды Средневековья и Возрождения

Средневековая философская мысль развивала концепт наказания в русле представлений о справедливости и нравственном законе, исходящих от Бога. Она рассматривала наказание как искупление вины перед Господом и как справедливую и богоугодную кару за посягательства на богоустановленный порядок; ее представители считали, что право наказывать принадлежит исключительно Творцу как единственному мерилу деяний человека, а реализация этого права на Земле доверена им церковным и светским властям. В канве христианского вероучения философ и теолог Фома Аквинский описывал элемент кары в наказании как необходимое средство для спасения души преступника, а публичную церемонию наказания, о возникновении и задачах которой рассуждал М. Фуко, – как поучение и пример остальным, который отводит их от соблазна нарушить закон (Фома Аквинский 2002: 349). Задолго до Фомы Аквинского богослов Августин Блаженный тоже видел назначение уголовного наказания в душевспасительном покаянии и смирении. Обращаясь к Богу, он, цитируя Библию, говорил: «Ты... воздаешь каждому по делам его и сердца сокрушенного и смиренного не презираешь» (Августин 1992: 42). Наибольшему теоретическому изучению проблемы уголовного наказания подверглись в трудах францисканского монаха и борца с религиозной ересью Альфонсо де Кастро, которого в испанской литературе называют отцом и основателем уголовного права (*padre y fundador del derecho penal*). Его пенологические взгляды отличают рациональность и прогрессивность для своего времени (XVI в.), которая, к примеру, выразилась в детально проработанных им вопросах вины как основания личной ответственности (Козаченко, Корсаков, 2023: 44).

Следуя теологическим традициям богословов Амвросия Медиоланского и Иоанна Златоуста, патристиков, схоластов, томистов и на основании идеалистической философии Ф.В.Й. Шеллинга, немецкий юрист и философ Ф. Шталь разработал пенологическую доктрину божественного (божьего)

возмездия, которая, согласно классификации К.С. Цахариэ фон Лингенталя, относится к абсолютным теориям наказания. В рамках этой концепции основание уголовного наказания выводилось из так называемой аподиктической (безусловной) необходимости заглаживания вины преступником, а равно утверждалось, что государство действует по полномочию и от имени Творца, а потому оно «имеет не только право, но и обязанность применять внешние наказания, так как оно призвано сохранять внешний этический порядок на Земле» (Будзинский 1870: 331).

Во времена Ренессанса, начавшегося в Италии раньше других стран Европы, Н. Макиавелли сформировал свой оригинальный взгляд на уголовное наказание, считая монополию на наказание обязательным признаком суверенного государства (заметим, что некоторые современные сторонники смертной казни в качестве довода в защиту последней нередко пишут, что ее применение в наши дни – это признак суверенитета, самостоятельности и политико-экономической независимости государства, проводящего свою политику без учета каких-либо оценок извне и «без оглядки» на другие державы, подтверждая это использованием смертной казни сегодня такими крупными и сильными государствами, как Китай, Индия, Иран, Саудовская Аравия, США, Япония и др.). По мнению Н. Макиавелли, наказание, как и право в целом, призвано охранять моральные нормы, социальные устои и стандарты поведения, возникшие еще в древности из условий общественной жизни: «для соблюдения возникших таким образом первоначальных правил человеческого общежития люди решились установить законы, учредить наказания для их нарушителей, – отсюда явилось понятие справедливости и правосудия» (Макиавелли 2001: 84).

Теоретические знания об уголовном наказании были развиты и дополнены в трудах представителей утопического социализма. Томас Мор задолго до Ч. Беккариа указал на несостоятельность общественного противостояния преступности лишь с помощью уголовного наказания и в своей известной работе «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» аргументировал необходимость ликвидации социальных и экономических причин преступлений, в частности, туземства (Мор 1953: 121-122). В этой работе он также описал вред, который причиняет жестокость наказания, и призвал к гуманному и милосердному отношению к преступникам. Схожая позиция содержится в труде «Город Солнца» итальянского утописта Т. Кампанеллы. Позже, основываясь на данных идеях, социалист-утопист Р. Оуэн, ошибочно, на наш взгляд, полагавший, что вина общества исключает личную, высказал мнение, что так как государство само виновато в том, что кто-либо совершает преступления, то оно не может наказывать данного человека. В его картине нового морального мира, перевоспитывающего людей посредством рациональной социалистической религии, нет места традиционной уголовной репрессии.

Идеи мыслителей Нового времени об уголовном наказании

В эпоху Нового времени теоретические взгляды на уголовное наказание приобрели более секулярный характер; так, Гуго Гроций в своем трактате «О праве войны и мира» изложил концепцию наказания как космической необходимости нравственного порядка, в которой наказание выводилось не из божественного промысла, а из общественного договора, и давалось такое краткое понятие: «наказание в общем значении слова есть перенесение зла, причиняемого за совершение злодеяния» (Гроций 1994: 451). По мнению Г. Гроция, в вопросе наказания отвечать злом на зло справедливо и разумно, тем более преступник сам уже заранее знает, что на совершенное им зло обществом будет дан именно такой ответ и, нарушая закон, соглашается на это; наказание – естественное право со стороны социума и естественная обязанность со стороны преступника. В уголовном наказании нидерландский ученый-правовед видел «троякую пользу»: пользу преступника, пользу пострадавшего и пользу общества (обеспечение исправления преступника, защиты потерпевшего от будущих возможных посягательств и защиты остальных членов общества от повторных преступлений).

Английский юрист и парламентарий Д. Селден, являясь апологетом доктрины естественного права, в написанной им в 1640 г. работе «О естественном праве и праве народов согласно учению евреев» высказал убеждение, что любое уголовное наказание должно быть соразмерным преступлению (Selden 1640: 28), а в «Застольных беседах» он, подвергая сомнению нерушимость тайны исповеди, самым суровым наказанием назвал лишение свободы (Selden 1898: 32). Х. Томазий, известный своими выступлениями против практики преследования обвиняемых в колдовстве («охоты на ведьм»), также писал о соразмерности наказания, однако добавлял, что уголовное наказание должно соответствовать не только параметрам преступления, но и личностным чертам преступника: выраженности в нем криминальных наклонностей и, что видится нам важным, его восприимчивости к наказанию (насколько уголовное наказание способно на него повлиять сообразно его индивидуальным особенностям) (Thomasius 2011: 1915).

Примечательны пенологические суждения Т. Гоббса, рассматривавшего государство (до него все люди, согласно Т. Гоббсу и Х. де Мариане, жили в режиме «войны всех против всех») прежде всего как хранителя общественной безопасности, сдерживающего в соответствии с общественным договором врожденное, инстинктивное стремление людей к насилию и защищающего жизнь, здоровье и имущество своих граждан. Т. Гоббс, скептически относясь к потенциалу морали и возможностям этики удерживать на необходимом социуму уровне насилие, корысть, эгоизм и другие людские пороки, пришел к важному утверждению, что без уголовного наказания человеческое общество вернется в свое первоначальное дикое состояние. В сочинении «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» он с этатистских позиций дает следующее определение наказания: «Наказание есть зло, причиненное государственной властью

тому, кто совершением или несовершением какого-либо деяния совершил, согласно суждению той же власти, правонарушение, причем это зло причиняется с целью сделать волю людей более расположенной к повиновению» (Гоббс 2001: 125). Полагаем, что Т. Гоббс во многом прав в своем стремлении подчеркнуть главную задачу государства – обеспечение безопасности общества, а также в выведении права на наказание из потребности человека и общества в защите (Т. Гоббс не считал это право вытекающим из общественного договора, так как оно присутствовало и в догосударственном обществе (в виде кровной мести, изгнания и т.п.), а общественный договор, согласно его взглядам, лишь закрепил это право исключительно за государством, лишив отдельных людей, их группы и сообщества права самостоятельного и по своему выбору наказывать за преступления).

Согласно воззрениям нидерландского философа Б. Спинозы, наказание должно налагаться на рациональной основе: разум, а не задетые и оскорбленные преступлением чувства, должен быть основным мерилем в избрании вида и интенсивности уголовного наказания. Призывая развивать в человеке интеллектуальную составляющую, философ писал, что живущий по руководству разума стремится «...воздавать другому за его ненависть, гнев, презрение к себе и т. д., напротив, любовью или великодушием» и старается «насколько возможно, не волноваться аффектами ненависти» (Спиноза 1993: 173). Г.В. Лейбниц писал, что «Бог, подобно архитектору, создал все, как надлежит Богу, рассматриваемому в качестве монарха», он дал право на осуществление возмездия тем, кто имеет право властвовать над людьми (Лейбниц 1989: 197). Они, установив наказания за конкретные преступления, не могут оставить совершенное кем-либо преступное деяние безнаказанным, даже если наказание и не приведет к исправлению виновного, так как установленная ими по воле Бога гармония требует восстановления. Как исходящее от воли Господа предлагали рассматривать наказание за преступление глубоко верующие патриархи науки немецкого уголовного права М. Берлих и Б. Карпцов, а также другой известный немецкий ученый – философ и учитель М.В. Ломоносова Х. фон Вольф, характеризовавший уголовное наказание как необходимое зло, которое законодательной волей связывается с определенным действием в виде побудительной причины его избегать.

Один из самых влиятельных научных деятелей эпохи Просвещения, педагог и теоретик либерализма Д. Локк еще до перенесения известной бентамовской идеи *felicific calculus* на область уголовной превенции подчеркивал, что «...каждое нарушение может быть наказано до такой степени и с такой строгостью, чтобы это было невыгодно для преступника, дало ему повод для покаяния и устрало других, побудив их воздержаться от подобных поступков» (Локк 2019: 234). Эта важная для пенологической науки мысль получит свое дальнейшее развитие в творчестве немецкого криминолога П.И.А. фон Фейербаха – разработчика уголовно-правовой теории психического принуждения. Живший в одно время с Д. Локком юрист и философ С. фон Пуфендорф, рассматривая уголовное наказание с позиций как справедливости, так и полезности, полагал, что его оправдывает

исключительно общественная необходимость; он по-своему оригинально определял наказание как «страдание, которое испытывается человеком помимо его воли от высшей власти вследствие страдания, причиненного этим человеком другим по своей воле» (Шершеневич 1907: 355).

В трудах других просветителей и энциклопедистов этого времени – Вольтера, Д. Дидро, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др. – были заложены идейные основы для пересмотра уголовной политики, законодательных реформ и пенитенциарных преобразований XVIII в. В частности, Ш. Монтескье обосновал тезис о приоритете общесоциального предупреждения перед уголовным наказанием: он писал, что «...хороший законодатель будет менее заботиться о наказаниях за преступления, чем о предупреждении преступлений; он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы» (Монтескье 1900: 87), а всякое наказание, не вызванное необходимостью, называл тиранией. В «Персидских письмах» Ш. Монтескье выступал против излишней жестокости уголовных наказаний, потому как она ухудшает народные нравы, а также подчеркивал, что уголовное наказание всегда должно соответствовать тяжести преступления. Эта мысль была горячо воспринята и поддержана русскими философами и правоведами А.Н. Радищевым и Ф.В. Ушаковым: так, А.Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» писал: «Несоразмерность наказания преступлению часто извлекала из меня слезы. Я видел, что закон судит о деяниях, не касаясь причин, оные производивших» (Радищев 1992: 38). А.Н. Радищев выступил разработчиком не только программ криминологического изучения преступности и статистического наблюдения за антисоциальными явлениями, но и предложил собственную систему наказаний (в нее были помещены такие виды, как лишение доброго имени, лишение местожительства, заключение в тюрьму, ссылка и др.).

Большим гуманитарным зарядом наполнены труды Вольтера («Комментарий к книге о преступлениях и наказаниях», «Награда за справедливость и гуманность» и др.); в них он осуждает жестокость и равнодушие государственной карательной системы, пренебрегающей профилактической деятельностью в отношении нарушителей закона. «Обеспечьте по возможности помощь всякому, кто покусится делать зло, и вам придется меньше наказывать» – призывал мыслитель (Вольтер 1956: 64). Вольтер обосновывал нецелесообразность использования смертной казни, предлагая заменить ее более полезной обществу пожизненной каторгой, и выступал против такого наказания, как конфискация имущества (эти аболиционистские идеи оспаривались Л. Англивьеом де Лабомелем). Не утратили своей актуальности и злободневности возражения философа против меры пресечения в виде заключения под стражу, которую он называл крайне напоминающей процесс исполнения наказания в виде лишения свободы, тогда как подвергающиеся такой строгой социальной изоляции люди не признаны виновными в совершении преступлений и могут быть непричастными к ним.

Ж.-Ж. Руссо выводил право на наказание из естественного права социума на защиту и идеи общественного договора (преступление – нарушение общественного договора, наказание – заранее согласованная и установ-

ленная в общественном договоре плата за это нарушение и одновременно плата за защищенность общества). Не будучи противником, как и Ш. Монтескье, смертной казни, он писал о необходимости экономии данного карательного ресурса и тоже порицал неоправданную жестокость в деле наказания: «Частые казни – это всегда признак слабости или нерадивости правительства. Нет злодея, которого нельзя было бы сделать на что-нибудь годным. Мы вправе умертвить, даже в назидание другим, лишь того, кого опасно оставлять в живых» (Руссо 1998: 226). Примечательно, что, несмотря на воззвания к насилию и распространение среди французов крайнего революционного фанатизма в издаваемой им газете «Друг народа», Ж.-П. Мара тоже говорил о том, что уголовное наказание не должно быть жестоким и унижительным, а должно прежде всего воспитывать.

Прогрессивные уголовно-правовые взгляды вышеназванных французских философов, писателей и общественно-политических деятелей были отражены в важных для развития мировой юриспруденции нормативных актах – Декларации прав человека и гражданина 1789 г.² и написанном на ее основе Уголовном кодексе Наполеона (Уголовном кодексе Франции 1810 г.), который был составлен по принципу «запрещено только то, что вредно, а что не запрещено, то разрешено». Об этих взглядах и документах профессор А.В. Наумов в открытом письме академику РАН В.Н. Кудрявцеву писал так: «Не следует стыдиться, что корни современного уголовного права лежат в идеях, выдвинутых в XVIII-XIX вв. (Беккария, французский уголовный кодекс 1810 г.). Да, человечество уже к этому времени сформулировало основные уголовно-правовые идеи, и теперь они уже проверены веками» (Наумов 2006: 138).

Последователем (*seguace*) Ш. Монтескье называл себя Чезаре Беккариа – известный деятель миланской школы Просвещения, внесший большой вклад в развитие уголовного права и криминологии. Базовые принципы его криминологической доктрины сводятся к тому, что преступления лучше предотвращать (в том числе посредством вознаграждения добродетели), чем наказывать за них; уголовное наказание должно быть неизбежным и незамедлительным, а не отдаленным по времени от преступления; при обеспечении равновозмездности (соразмерности) уголовного наказания преступлению цели³ первого состоят не в мучении и истязании виновного, а в удержании его от причинения повторного вреда социуму и в предупредительном воздействии на остальных людей; не следует наказывать за намерения (преступные мысли); перед наказанием должны быть равны представители всех слоев общества; для достижения цели

² В ст. 8 этого акта, например, было закреплено: «Закон может устанавливать наказания, лишь строго и бесспорно необходимые» (Декларация прав человека и гражданина 1789 г. / Документы французской революции // Родина. 1989. № 7. С. 42).

³ Эта «классическая» идея Ч. Беккариа никогда не подвергалась сомнению, а лишь укреплялась: он призывал для точного определения соразмерности между тяжестью преступления и тяжестью наказания разработать специальную таблицу преступлений и наказаний.

предупреждения необходимо, чтобы уголовное наказание всегда превышало выгоду, получаемую преступником от преступления; наказание по возможности должно быть сходным с самой природой преступления, за которое оно налагается (эту мысль также разделял И. Кант) (Beccaria 1797).

Ч. Беккариа в своих доводах относительно ограничения смертной казни опровергал учение Ж.-Ж. Руссо в части происхождения права на это наказание из общественного договора: логика естественного права не допускает стремления человека лишиться себя жизни и предоставления права на это кому бы то ни было на договорной основе, а потому право государства на смертную казнь не могло быть закреплено в общественном договоре, эта форма наказания являет собой войну общества с гражданином и возвращение в гоббсовское состояние «войны всех против всех». Он не был, как иногда утверждается в юридической литературе, сторонником идеи полной отмены института смертной казни, допуская его использование в редких и исключительных случаях (в ходе национально-освободительной борьбы и при угрозе уничтожения государства).

Идеи Ж.Л. Д'Аламбера, Ж.-П. Бриссо де Варвиля, Д. Вико, Вольтера, К.А. Гельвеция, П.-А.Т. Гольбаха, Д. Дидро, Ж.-Б.М. Дюпати, Ш. Монтескье (развитые в большой степени Ч. Беккариа), Л.М. Лепелетье де Сен-Фаржо, Г.Б. де Мабли, К.Э. де Пасторе, Ж.-Ж. Руссо, А. Сен-Симона, Ж.М.А. Сервана, Г. Филанджери, Ш. Фурье и других французских и итальянских ученых составили теоретический фундамент классической школы уголовного права. Однако многие представители английской философской и юридической мысли также внесли не менее значительный вклад в формирование последней. В их числе Д. Говард, который настаивал на необходимости гуманного отношения к осужденным, присутствии научно обоснованной организации процесса исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы (с акцентами на воспитание, образование и пенитенциарный труд) и был сторонником практики одиночного заключения, а также У. Пейли, обративший одним из первых внимание на проблему постпенитенциарной ресоциализации преступников и писавший, что «наказание выступает злом, к которому судья (magistrate) прибегает только тогда, когда оно необходимо для предотвращения еще большего зла» (Paley 1806: 396).

Среди британских пенитенциаристов и правоведов особо выделяется И. Бентам, который разработал систему профилактических мер в отношении преступности и предлагал поощрять граждан, которые ей содействуют. В эту предупредительную систему он включил и уголовное наказание как преследующее цель предупреждения преступлений. И. Бентам, полагая, что главная цель наказания – предотвращение преступлений в будущем, доказывал необходимость индивидуализации наказания (на изменение масштабов наказания за одно и то же преступление должны влиять пол, возраст, материальное положение, социальный статус и многие другие факторы), а многообразие преступных деяний предлагал противопоставить разнообразие уголовных наказаний за них. На основании выведенного им – центрального в утилитаризме и предполагающего определение ценности поведения человека его полезностью – принципа пользы уголовное наказание

может быть оправдано лишь тогда, когда оно имеет в качестве следствия положительные результаты, превосходящие плохие (Бентам 1998: 9–34).

В рамках утилитарной пенологической концепции И. Бентама, рассматривающей наказываемого преступника как жертву, которую общество приносит во имя социального блага, обосновывалась целесообразность уголовно-правовых институтов давности уголовного преследования и помилования, к которому отрицательно относился И. Кант. Эту теорию разделял другой известный британский философ-утилитарист Д. Милль, о чем свидетельствуют его суждения, содержащиеся в «Речи в защиту смертной казни» (Милль 2009). Большую известность получил бентамовский «Паноптикум» – проект «идеальной» тюрьмы, управляющейся всего одним администратором (надзирателем), который нашел своих сторонников во многих странах мира и был реализован при строительстве нескольких тюрем в Испании и на Кубе.

Теории уголовного наказания представителей немецкой классической философии

И. Кант, выдающийся мыслитель, считающийся одной из наиболее влиятельных фигур в западной философии Нового времени, следовал парадигме возмездия, которую он находил единственно возможной, защищал, модифицировал и наполнил новым содержанием (поэтому его пенологическую систему некоторые ученые называют теорией апологического (также – нравственного, формального, справедливого) возмездия). Между тем некоторые отечественные правоведы (Л.С. Белогриц-Котляревский, В.Д. Спасович и др.) стремились упрекнуть И. Канта в подведении витиеватой философско-теоретической базы под архаическое правило талиона. Полагаем, что такие упреки безосновательны.

В базис кантовской модели заложена его известная этическая формула – нравственный принцип категорического императива, который основывается на критически переосмысленном золотом правиле нравственности, а не на правиле талиона. И. Кант говорил об уголовном наказании, что оно есть категорический императив, безусловное требование практического разума, оно есть возмездие как априорная и очевидная для нашей совести идея, которая образует фундамент уголовного права, а применяя принцип возмездия в отношении меры наказания, он писал не о зеркальном (симметричном) равенстве по принципу талиона, а о равнозначности и пропорциональности (относительном равновесии) данной меры совершенному преступлению: параметры кары должны находится в строгом соответствии с параметрами преступления.

В рассуждениях о характеристиках наказания, приведенных в работе «Метафизические начала учения о праве» (первой части «Метафизики нравов») и выводимых из всеобщих нравственных максим – идеи равенства и золотого правила, И. Кант сделал важные уточнения и оговорки: «Единственный принцип – это принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому суд склоняется в пользу одной

стороны не более, чем в пользу другой. Итак, то зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслужившему его, ты причиняешь и самому себе. ...Лишь право возмездия (*jus talionis*), если только понимать его как осуществляющееся в рамках правосудия (а не в твоём частном суждении), может точно определить качество и меру наказания. ...Может показаться, что разница в положении не допускает принципа возмездия: око за око; но хотя его нельзя придерживаться буквально, все же он всегда остается действительным по воздействию соответственно характеру восприятия...» (Кант 1966: 257). Из них следует, что И. Кант право возмездия не сводит к ветхозаветной формуле талиона и не пытается обосновать вид и меру наказания через последнюю, а принцип равенства не понимает в примитивном (буквальном) смысле (в кантовском примере, когда равным воздается за равное, человек, нанесяший побои менее знатному, не приговаривается к точно такому же наказанию, а присуждается к извинению и тюремному заключению), он не выступает за внешнее равенство между преступлением и наказанием по шаблону талиона. Он говорит – как и Г.В.Ф. Гегель, который правовой смысл возмездия находил в установлении наказания, равноценного преступлению, – о равенстве содеянного преступником со степенью карательного воздействия на него. Такое равенство в уголовно-правовой литературе часто называется равносильностью, равноценностью, равнозначностью, адекватностью, пропорциональностью или эквивалентностью (наиболее близким соответствием), потому как в нем всегда будет присутствовать доля условности и относительности: идеального, абсолютного равенства между преступлением и наказанием достичь невозможно, даже при применении симметричного принципа «око за око, зуб за зуб». Для иллюстрации этого нередко приводят примеры с беззубым либо слепым преступником, лишившим потерпевшего зуба или глаза, или же указывают на то, что глаз, случайно выбитый в запале драки, и глаз, хладнокровно вырезанный палачом у обездвиженного раскаявшегося осужденного, – это далеко не одно и то же с позиций этического и правового равенства. Упоминание философом в вышеуказанном фрагменте текста правила талиона (око за око) служит в нем не обоснованием философско-теоретического подхода, а способом показать, что принцип возмездия по схеме равным за равное вполне может быть соблюден даже в случае незеркального и неидентичного наказания.

Модель возмездия И. Канта – классический вариант абсолютной теории наказания, ее автор отвергает любые утилитарные цели уголовного наказания, утверждая, что оно не должно служить средством для достижения какого-либо внешнего, привходящего блага, включая пользу для общества, преступника или потерпевшего, так как призвано налагаться только потому, что было совершено преступное деяние. Право наказывать И. Кант выводил из абсолютного источника – априорного нравственного закона, он основывал его на всеобщем и врожденном моральном чувстве (убеждении), утверждая, что данное основание карательного права является универсальным и единственно верным. Такой подход встретил критику со стороны Г.В.Ф. Гегеля, который назвал отсылку к моральному долгу при обосновании права наказания произвольной и бездоказательной, не удо-

влетворяющей строгой и формальной системе публичного права, и А. Шопенгауэра, указавшего, что «воздаяние злом за зло, без дальнейшей цели, не может быть оправдано ни морально, ни каким-нибудь иным разумным основанием... Но ни один человек не имеет права выступать в роли чисто-морального судьи и воздаятеля...» (Шопенгауэр 1900: 361). Соглашаясь с последним доводом философа в отношении конкретного человека, мы в то же время полагаем, что в ситуации с уголовным наказанием кантовский категорический императив (безусловное повеление) обращен не к отдельному индивиду, а к коллективной (всеобщей) воле («объединенной воле целого народа», как писал сам И. Кант); именно к ней, а не к индивидуальной воле частного лица, императив наказания призывает в качестве априорного, абсолютного и всеобщего нравственного закона, поэтому не отдельные индивиды, а общество и его политическая форма устройства – государство выступают судьей в лице органов юстиции.

Косвенным подтверждением нашего мнения являются высказывания других разработчиков теории возмездия – Г.В.Ф. Гегеля, указавшего, что: «лица, действующие в суде, правда, также суть лица, но их воля есть всеобщая воля закона, и они не стремятся вкладывать в наказание то, чего нет в природе вещей» (Гегель 1990: 151), а также известного правоведа А. Меркеля, писавшего, что правовое последствие неправды (наказание) в материальном плане представляет собой то, «посредством чего явления, в которых существует несправедливость, должны быть ликвидированы в соответствии с требованиями всеобщей воли» (Merkel 1867: 57). Примечательно то, что А. Меркель относился к числу сторонников идеи возмездия, считая ее заложенной в человеческой натуре, однако при этом он не отрицал, а наоборот, выделял в уголовном наказании множество целей (утверждение закона, охрана интересов общества, нейтрализация антисоциальных сил, отрицание (аннулирование) преступления, снятие вызванного преступлением социального напряжения (гнева, беспокойства), удовлетворение интересов потерпевшего, ликвидация последствий преступления, обезвреживание и исправление преступника и др.), а также не разделял уголовное наказание и меры социальной защиты, хотя последним не присущ элемент возмездия (Merkel 1892; Горбань 2004: 152–171).

Отметим, что если концепция И. Канта не была поддержана большинством правоведов (к испытывавшим ее влияние можно отнести А.И.В.А. Гейера, Г.Э. А. Мемеля, Г.В.Э. Хенке, К.С. Цахариэ фон Лингенталю, Л.А. Цветаеву, К.Э.Ю.Т. Р. Штамmlера, Л.Г. фон Якоба), то уголовно-правовая теория Г.В.Ф. Гегеля отразилась в творчестве многих представителей юриспруденции (в их числе Ю.Ф. Г. Абегг, К.Л. фон Бар, Э.Л. фон Белинг, Э.И. Беккер, А.Ф. Бернер, Ф.Р.К. фон Биркмайер, А.Э.Г.Л. Вах, Н.С. Власьев, К.Ф.Р. Гейнце, Х.Ф.Э. Гельшнер, Ф.Ф. Депп, Р.Э. Йон, К.Р. Кестлин, Й. Колер, И.А. Максимович, Х.Ф.Б. фон Мейер, А.Д.М. Меркель, Ф.Г.Й. Наглер, К.А. Неволин, П.Г. Редкин, В.Э. фон Роланд, К.А. Титтманн, Г.А. Цахариэ, Б.Н. Чичерин, Р.К.Б. Шмидт, Т.Р. Шютце и др.) и других наук (философа Ф.А. Тренделенбурга, богослова К.Р. фон Кестлина, литератора Г.Ф.Э.Л. Лайстнера и др.), так как она отличалась особой отточенностью и выразительностью.

В теории диалектического (логического) возмездия (теории восстановления) Г.В.Ф. Гегеля уголовное наказание выступает необходимым и справедливым возмездием, находящимся в абсолютной связи с преступлением: они суть единство противоположностей (Гегель 1978: 313). Мыслитель рассматривал право как объективный дух – наличное бытие свободной и разумной абсолютной воли, отраженной в законе и представляющей собой квинтэссенцию частных волей, а преступление в его учении является отрицанием права, его антитезой, противопоставлением, и потому как ни одно понятие не допускает самопротиворечия, право по Г.В.Ф. Гегелю с необходимостью должно предполагать отрицание его отрицания – преступления – и восстанавливать себя посредством возмездия за его нарушение, то есть подчинять частную, оппозиционную и отрицающую право волю себе – самосущей абсолютной воле. Говоря о наказании как о возмездии, «снятии преступления», «нарушении нарушения», философ отделял и отграничивал его от мести: «Возмездие потому-то и должно осуществляться как наказание, что в случаях мести имеет влияние страсть и право оказывается в тени. К тому же месть не обладает формой права, а имеет форму произвола, так как обиженная сторона действует, всегда повинувшись своему чувству или субъективной побудительной причине» (Гегель 1973: 48).

В гегелевской пенологической системе возмездие предполагает не механическое воздаяние по принципу талиона, не буквальное (арифметическое) равенство, а внутреннее тождество (относительное равенство) – эквивалентность, равноценность, позволяющая подвести каждого преступника под тот же самый способ действия, который он сам установил, и тем самым восстановить нарушенное им равенство; в рамках нее выносящееся на возмездных началах уголовное наказание может носить и символический характер. Так как находящееся в диалектической связи с преступлением наказание тождественно с ним по свойству: это тоже нарушение – нарушение нарушения права преступником, то оно всегда может быть сравнимо с ним по ценности, установление же ценностных эквивалентов в конкретных случаях является задачей практики, а не философской мысли, которая определяет лишь общий карательный принцип для выбора вида и меры уголовного наказания.

Смысл уголовного наказания по Г.В.Ф. Гегелю состоит не в чувственном моменте страдания, требующем равномерности отплаты, а в обнаружении и ликвидации (отрицании) неправды, что было логически выстроено и обосновано им посредством диалектики – учения о всеобщей связи, единстве и развитии. В современной пенологической науке приобретает особое значение его подход, согласно которому наказание, стремящееся примирить с правом волю преступника, отрицающую собственную разумную сущность, является правом преступника, поскольку в нем как существе свободном и мыслящем присутствует абсолютный разум (преступник, как все люди, является вмещителем абсолюта), требующий возмездия за преступление (критикуя данную гегельянскую идею, К. Маркс дал такое ее краткое описание: «Наказание есть право преступника. Оно – акт его собственной воли. Преступник объявляет нарушение права своим правом. Его преступление

есть отрицание права. Наказание есть отрицание этого отрицания, следовательно есть утверждение права, которого домогается сам преступник и которое он сам себе насильно навязывает»⁴).

К теории Г.В.Ф. Гегеля близка пенеологическая концепция И.Г. Фихте, развивавшего философские и этические идеи И. Канта, хотя она и относится многими классификаторами к типу относительных (на наш взгляд, ее следует относить к теориям наказания смешанного (синкретического) характера). Сходными с гегелевскими и кантианскими являются воззрения И.Г. Фихте на уголовное наказание, обобщенно выраженные А.А. Пионтковским так: «Каждый должен потерпеть такой же ущерб в своих правах, какой он сознательно или по неосторожности причинил правам других лиц. Наказание есть, таким образом, потеря равного. В этом смысле, согласно разуму, наказание есть талион (*jus talionis*). Каждый должен знать, что, причиняя вред другим, он причиняет тем самым вред себе» (Пионтковский 1940: 170). Подчеркнем, что принцип талиона выступает здесь не руководством к действию и не мерилем кары, а имеет символическое значение, отображает наиболее простое и доступное всем представление идеи равенства преступления и наказания.

Как и у Г.В.Ф. Гегеля, одно из главных мест в учении И.Г. Фихте занимает понятие свободы: «Моя система есть от начала и до конца не что иное, как анализ понятия свободы», «быть свободным – ничто, становиться свободным – вот небо» (Фихте 1916: 98). На этом понятии основана следующая мысль немецкого философа: совершивший преступление ставится по ту сторону закона, он становится абсолютно свободным (*vogelfrei* – «свободный, как птица») и получает возможность делать все, что ему захочется, однако и все остальные становятся свободными в правовом плане по отношению к нему (каждый может его безнаказанно оскорбить, избить, обратить в рабство или же убить). Оказавшись в такой ситуации, в положении «вне закона», преступник рано или поздно сам попросит у государства должное наказание для себя. Из данной сентенции И.Г. Фихте, наряду с И. Кантом и Г.В.Ф. Гегелем, выводил право преступника на наказание. Эти суждения вытекают из представлений философа о создании государства на основе гражданского (общественного) договора с единственной целью – обеспечивать безопасность общества: все индивиды, добровольно вступающие в государство, берут на себя обязательство соблюдать условия и требования общественной безопасности под угрозой применения карательных мер, высшей из которых является изгнание из государства (не подчинившихся такой мере или вернувшихся обратно мыслитель предлагал сразу же лишать жизни).

Помимо формирующего государство основного общественного договора («договора о гражданском сожительстве»), И.Г. Фихте выделял дополнительный договор (*Abbussungsvertrag* – «договор искупления»), из которого вытекает как право государства наказывать, так и право преступника

⁴ *Marx K. Capital Punishment. Mr. Cobden's Pamphlet. Regulations of the Bank of England // New-York Daily Tribune. 1853, Febr. 17, no. 3695.*

на наказание. Если единственным последствием нарушения основного договора является лишение правового статуса и изгнание, то дополнительный договор предоставляет способному исправиться правонарушителю (неисправимые преступники – убийцы, садисты и др. – исключались из этого договора) право искупить свою вину с помощью наказания и после исправления и утраты общественной опасности вернуться в социум его полноправным членом. Уголовное наказание в системе И.Г. Фихте носит односторонний, исправительный характер, так как оно – не самоцель и не требование абсолютной справедливости, а средство достижения главной цели государства – обеспечения общественной безопасности.

Заключение

Рассуждая о популярности в России уголовно-правового учения Г.В.Ф. Гегеля, Г.С. Фельдштейн писал, что «оно обращалось прежде всего к исследованию развития существующего, отодвигая на задний план его критику и изменение, и провозглашало разумность действительным в ту пору, когда движение вперед было фактически невозможно» (Фельдштейн 1909: 568). Действительно, для времени засилья в уголовном праве реликтовых религиозно-этических догматов и идей устрашения гегелевское учение о наказании носило, вне сомнения, прогрессивный и новационный характер, однако его гуманизм пережил свое время и является востребованным и в наши дни: логически выверенный пенологический абсолютизм Г.В.Ф. Гегеля, требующий равносильности уголовного наказания преступлению, препятствует стиранию границ и рамок наказуемости, безмерности и произволу в пенитенциарной сфере, которыми подчас оборачиваются попытки практического развития не только модели устрашения, но и многих релятивистских и утилитарных концепций (как, собственно, и гуманизм И. Канта, писавшего, что к человеку, в т.ч. преступнику, следует относиться только как к цели, но никогда как к средству). От абсолютных теорий последние отличает идея о том, что уголовные наказания должны назначаться не за совершенные преступления, а для недопущения их совершения, которая конкретизируется в целях общей и частной превенции (вплоть до использования «упреждающих (превентивных) ударов» и «средств общественной обороны» в отношении тех людей, которые еще не совершили преступления, однако способны их совершить в будущем, либо непропорционального установления высшей меры наказания в предупредительных (устрашающих граждан) целях (например, смертной казни за реализацию поддельных лекарственных средств в современном Китае⁵)), исправления и перевоспитания преступников и др., поэтому принципы справедливости и равенства (соответствия) для них необязательны.

Абсолютные теории наказания Г.В.Ф. Гегеля и И. Канта, несмотря на попытки компрометирования их родством с правилом талиона и три-

⁵ Ст. 141. Производство и реализация поддельных лекарственных средств // Уголовный кодекс Китайской Народной Республики [с изм. от 14 марта 1997 г.] / под общ. ред. А.И. Чучаева, А.И. Коробеева. 2-е изд. Москва, 2021. С. 79.

виальной мстью преступнику со стороны государств, представляются нам более гуманными, чем утилитаристские модели, так как они ни при каких условиях не допускают наказание невиновных, даже если оно оправдывается большой общественной выгодой или пользой, как в словах первосвященника Каифы: «Подумайте, разве не лучше будет для вас, если один человек умрет за народ, а не все иудеи погибнут?» (Ин.11:50).

В текущий период распространения в постмодернистском обществе гносеологического релятивизма и связанного с ним усиления идей и принципов консеквенциализма в праве, метафизические абсолютные концепции пенологического ретрибутивизма наряду с воззрениями Платона и Аристотеля на равенство и справедливость в наказании оказываются крайне востребованными в сложном поиске компромиссов, консенсусов и разумного баланса в аксиологических и телеологических обоснованиях и оправданиях уголовного наказания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Августин А. 1992. Исповедь. Москва : Республика. 335 с.
- Агошков А.В. 2008. Социальная справедливость с древнейших времен до начала новой эры: предчувствие великой идеи // Вопросы культурологии. № 2. С. 22–28.
- Ансель М. 1970. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике). Москва : Прогресс. 312 с.
- Аристотель. 1894. Риторика. Санкт-Петербург : Типогр. В.С. Балашева и К°. 204 с.
- Ашафенбург Г. 2010. Преступление и борьба с ним. Москва : Инфра-М. 241 с.
- Бентам И. 1998. Введение в основания нравственности и законодательства. Москва : РОССПЭН. 415 с.
- Будзинский С.М. 1870. Начала уголовного права. Варшава : Гл. склад в кн. магазинах Д.Е. Кожанчикова. 362 с.
- Вольтер. 1956. Избранные произведения по уголовному праву и процессу. Москва : Госюриздат. 339 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1973. Работы разных лет : в 2 т. Т. 2. Москва : Мысль. 630 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1978. Политические произведения. Москва : Наука. 437 с.
- Гегель Г.В.Ф. 1990. Философия права. Москва : Мысль. 524 с.
- Гоббс Т. 2001. Левиафан. Москва : Мысль. 478 с.
- Горбань В.С. 2004. Учение А. Меркеля о праве : дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 188 с.
- Гроций Г. 1994. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. Москва : Ладомир. 868 с.
- Кант И. 1966. Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 2. Москва : Мысль. 477 с.
- Козаченко И.Я., Корсаков К.В. 2023. Криминология : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. Москва : Юрайт. 277 с.
- Коновалова С.И. 1999. Система наказаний в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 241 с.
- Конфуций. 2008. Луньшюй. Изречения. Москва : Эксмо. 464 с.
- Лейбниц Г.В. 1989. Сочинения. В 4 т. Т. 4. Москва : Мысль. 554 с.
- Локк Д. 2019. Два трактата о правлении. Москва ; Челябинск : Социум. 482 с.

Макиавелли Н. 2001. Государь. Сочинения. Москва : Эксмо ; Харьков : Фолио. 656 с.

Миль Д.С. 2009. Речь в защиту смертной казни (1868) // Этическая мысль. Вып. 9. С. 183–192.

Монтескье Ш. 1900. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т.д. К чему автор прибавил новые исследования о законах римских, касающихся наследования, о законах французских и о законах феодальных. Санкт-Петербург : Изд-во Л.Ф. Пантелеева. 706 с.

Мор Т. 1953. Утопия. Москва : Изд-во АН СССР. 297 с.

Наумов А.В. 2006. Открытое письмо профессора А.В. Наумова академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. № 4. С. 135–138.

Пионтовский А.А. 1940. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. Москва : Изд-во НКЮ СССР. 192 с.

Платон. 1998. Государство. Законы. Политик. Москва : Мысль. 798 с.

Плутарх. 1999. Моралии. Москва : Эксмо-Пресс ; Харьков : Фолио. 1117 с.

Радищев А.Н. 1992. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. Санкт-Петербург : Наука. 671 с.

Руссо Ж.-Ж. 1998. Об общественном договоре. Трактаты. Москва : Канон-пресс-Ц : Кучково поле. 414 с.

Сенека. 1977. Нравственные письма к Луцилию. Москва : Наука. 384 с.

Сенека. 2001. Философские трактаты. Санкт-Петербург : Алетейя. 399 с.

Сенека. 2018. О милосердии. Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус. 352 с.

Спиноза Б. 1993. Этика. Санкт-Петербург : Мегакон ; Аста-пресс. 246 с.

Фельдштейн Г.С. 1909. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль : Тип. Губернского Правления. 668 с.

Фихте И.Г. 1916. Избранные сочинения. Т. 1. Москва : Путь. 521 с.

Фома Аквинский. 2002. Сумма Теологии. Ч. 1. Вопросы 1-43. Киев : Эльга ; Москва : Ника-Центр. 559 с.

Цицерон. 1999. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. Москва : Мысль. 782 с.

Чубинский М.П. 2008. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. Москва : Инфра-М. 435 с.

Шершеневич Г.Ф. 1907. История философии права. Санкт-Петербург : Изд-во Братьев Башмаковых. 588 с.

Шопенгауэр А. 1900. Полное собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. О четверояком корне закона достаточного основания. Москва : Типо-лит. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°. 552 с.

Beccaria C. 1797. Traite des Delits et des Peines. Neuchatel. 332 p.

Faulkner R.O. 1965. The Admonitions of an Egyptian Sage // Journal of Egyptian Archeology. № 51. P. 53-62.

Merkel A. 1867. Kriminalistische Abhandlungen. Volumen 1. Zur Lehre von den Grundeintheilungen des Unrechts und seiner Rechtsfolgen. Leipzig : Breitkopf und Härtel. 339 S.

Merkel A. 1892. Vergeltungsidee und Zweckgedanke im Strafrecht. Zur Beleuchtung der «Neue Horizonte» in der Strafrechtswissenschaft. Strassburg : Karl J. Trübner. 69 S.

Paley W. 1806. The Principles of Moral and Political Philosophy. Boston : John West. 492 p.

Selden J. 1898. Table Talk: Being the Discourses of John Selden. London : J.M. Dent and C°. 167 p.

Seldeni I. 1640. *De Jure Naturali & Gentium, Juxta Disciplinam Ebraeorum*, Libri Septem. Londini : Excudebat Richardus Bishopius. 847 p.

Thomasius C. 2011. *Institutes of Divine Jurisprudence with Selections from Foundations of the Law of Nature and Nations*. Indianapolis : Liberty Fund. 690 p.

References

Agoshkov A.V. *Sotsial'naya spravedlivost' s drevneyshikh vremen do nachala novoy ery: predchuvstvie velikoy idei* [Social Justice from Ancient Times to the Beginning of a New Era: A Premonition of a Great Idea], *Issues of Cultural Studies*, 2008, no. 2, pp. 22–28. (in Russ.).

Ancel M. *Novaya sotsial'naya zashchita (gumanisticheskoe dvizhenie v ugolovnoy politike)* [New Social Protection (Humanistic Movement in Criminal Policy)], Moscow, Progress, 1970, 312 p. (in Russ.).

Aristotle. *Rhetoric*, St. Peterburg, Tipografiya V.S. Balasheva i K°, 1894, 204 p. (in Russ.).

Aschaffenburg G. *Crime and it's Repression*, Moscow, Infra-M, 2010, 241 p. (in Russ.).

Augustine of Hippo. *Confessions*, Moscow, Respublika, 1992, 335 p. (in Russ.).

Beccaria C. *Traite des Delits et des Peines* [Deals with Delits and Penalties], Neuchatel, 1797, 332 p. (in French).

Bentham J. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*, Moscow, ROSSPEN, 1998, 415 p. (in Russ.).

Budzinsky S.M. *Nachala ugolovnogo prava* [The Beginning of Criminal Law], Varshava, Glavnyy sklad v knizhnykh magazinakh D.E. Kozhanchikova, 1870, 362 p. (in Russ.).

Chubinsky M.P. *Ocherki ugolovnoy politiki: ponyatie, istoriya i osnovnye problemy ugolovnoy politiki kak sostavnogo elementa nauki ugolovnogo prava* [Policy: Essays on Criminal the Concept, History and Main Problems of Criminal Policy as an Integral Element of the Science of Criminal Law], Moscow, Infra-M, 2008, 435 p. (in Russ.).

Cicero. *About the State. About the Laws. About Old Age. About Friendship. About Responsibilities. Speeches. Letters*, Moscow, Mysl', 1999, 782 p. (in Russ.).

Confucius. *Lun'yuy. Izrecheniya* [Analects], Moscow, Eksmo, 2008, 464 p. (in Russ.).

Faulkner R.O. The Admonitions of an Egyptian Sage, *Journal of Egyptian Archeology*, 1965, no. 51, pp. 53–62.

Feldstein G.S. *Glavnye techeniya v istorii nauki ugolovnogo prava v Rossii* [The Main Trends in the History of the Science of Criminal Law in Russia], Yaroslavl, Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1909, 668 p. (in Russ.).

Fichte I.G. *Selected Works, Vol. 1*, Moscow, Put', 1916, 521 p. (in Russ.).

Gorban V.S. *Uchenie A. Merkelya o prave : dis. ... kand. yurid. nauk* [A. Merkel's Doctrine of Law: Dissertation], Moscow, 2004, 188 p. (in Russ.).

Grotius H. *O prave voyny i mira* [On the Law of War and Peace], Moscow, Ladomir, 1994, 868 p. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Elements of the Philosophy of Right*, Moscow, Mysl', 1990, 524 p. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Political Works*, Moscow, Nauka, 1978, 437 p. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Works from Different Years*, in 2 vols. Vol. 2, Moscow, Mysl', 1973, 630 p. (in Russ.).

Hobbes Th. *Leviathan*, Moscow, Mysl', 2001, 478 p. (in Russ.).

Kant I. *Essays, in 6 vols., Vol. 4, pt. 2*, Moscow, Mysl', 1966, 477 p. (in Russ.).

Konovalova S.I. *Sistema nakazaniy v rossiyskom ugolovnom prave : dis. ... kand. yurid. nauk* [The System of Punishments in Russian Criminal Law: Dissretation], Rostov-on-Don, 1999, 241 p.

Kozachenko I.Ya., Korsakov K.V. *Kriminologiya : uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i spetsialiteta* [Criminology: textbook and practical course for undergraduate and specialist studies], Moscow, Yurayt, 2023, 277 p. (in Russ.).

Leibniz G.W. *Essays, in 4 vols., Vol. 4*, Moscow, Mysl', 1989, 554 p. (in Russ.).

Locke J. *Two Treatises of Government*, Moscow, Chelyabinsk, Sotsium, 2019, 482 p. (in Russ.).

Machiavelli N. *The Prince. Essays*, Moscow, Eksmo, Kharkov, Folio, 2001, 656 p. (in Russ.).

Merkel A. *Kriminalistische Abhandlungen. Vol. 1. Zur Lehre von den Grundeintheilungen des Unrechts und seiner Rechtsfolgen* [Kriminalistische Abhandlungen. Vol. 1. On the doctrine of the basic divisions of injustice and its legal consequences], Leipzig, Breitkopf und Härtel, 1867, 339 p. (in German).

Merkel A. *Vergeltungsidee und Zweckgedanke im Strafrecht. Zur Beleuchtung der "Neue Horizonte" in der Strafrechtswissenschaft* [The Idea of Retribution and the Idea of Purpose in Criminal Law. To Illuminate the "New Horizons" in Criminal Law Studies], Strassburg, Karl J. Trübner, 1892, 69 p. (in German).

Mill J.S. Speech in Defense of the Death Penalty (1868), *Ethical Thought*, 2009, iss. 9, pp. 183–192. (in Russ.).

Montesquieu S. *O dukhe zakonov...* [The Spirit of the Laws], St. Petersburg, Izdatel'stvo L.F. Panteleeva, 1900, 706 p. (in Russ.).

More T. *Utopia*, Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1953, 297 p. (in Russ.).

Naumov A.V. *Otkrytoe pis'mo professora A.V. Naumova akademiku V.N. Kudryavtsevu* [An Open Letter from Professor A.V. Naumov to Academician V.N. Kudryavtsev], *Ugolovnoe parvo*, 2006, no. 4, pp. 135–138. (in Russ.).

Paley W. *The Principles of Moral and Political Philosophy*, Boston, John West, 1806, 492 p.

Piontkovsky A.A. *Ugolovno-pravovye vozzreniya Kanta, A. Feyerbakha i Fikhte* [The Criminal Law Views of Kant, A. Feuerbach and Fichte], Moscow, Izdatel'stvo NKYu SSSR, 1940, 192 p. (in Russ.).

Plato. *State. Laws. Politician*, Moscow, Mysl', 1998, 798 p. (in Russ.).

Plutarkh. *Morals*, Moscow, Eksmo-Press, Kharkov, Folio, 1999, 1117 p. (in Russ.).

Radishchev A.N. *Journey from St. Petersburg to Moscow. A liberty*, St. Petersburg, Nauka, 1992, 671 p. (in Russ.).

Rousseau J.-J. *On the Social Contract. Treatises*, Moscow, Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole, 1998, 414 p. (in Russ.).

Schopenhauer A. *Complete Works, in 4 vols. Vol. 1. On the Fourfold Root of the Principle of Sufficient Reason*, Moscow, Tipo-litografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev i K^o, 1900, 552 p. (in Russ.).

Selden J. *Table Talk: Being the Discourses of John Selden*, London, J.M. Dent and C^o, 1898, 167 p.

Selden I. *De Jure Naturali & Gentium, Juxta Disciplinam Ebraeorum, Libri Septem* [Natural Law and the Law of Nations According to the Teaching of the Jews], Londini, Excudebat Richardus Bishopius, 1640, 847 p. (in Latin).

Seneca. *Epistulae Morales ad Lucilium*, Moscow, Nauka, 1977, 384 p. (in Russ.).

Seneca. *On Mercy*, St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018, 352 p. (in Russ.).

Seneca. *Philosophical Treatises*, St. Petersburg, Aleteyya, 2001, 399 p. (in Russ.).

Shershenevich G.F. *Istoriya filosofii prava* [History of the Philosophy of Law], St. Petersburg, Izdatel'stvo Brat'ev Bashmakovykh, 1907, 588 p. (in Russ.).

Spinoza B. *The Ethics*, St. Petersburg, Megakon, Asta-press, 1993, 246 p. (in Russ.).

Thomas Aquinas. *Summa Theologiae, Pt. 1, Questions 1–43*, Kiev, El'ga, Moscow, Nika-Tsentr, 2002, 559 p. (in Russ.).

Thomasius C. *Institutes of Divine Jurisprudence with Selections from Foundations of the Law of Nature and Nations*, Indianapolis, Liberty Fund, 2011, 690 p.

Voltaire. *Selected Works on Criminal Law and Procedure*, Moscow, Gosyurizdat, 1956, 339 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Викторович Корсаков

кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела права
Института философии и права Уральского
отделения РАН,
г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-2967-9884;
ResearcherID: K-2370-2018;
SPIN-код: 4007-2009;
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Korsakov

Candidate of Law, Associate Professor,
Institute of Philosophy and Law, Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-2967-9884;
ResearcherID: K-2370-2018;
SPIN-code: 4007-2009;
E-mail: korsakovekb@yandex.ru